

Истории Эстериона

Лед под кожей гор

Алекс Куверн

Алекс Куверн

**Истории Эстериона:
Лёд под кожей гор**

«Автор»

2026

Куверн А.

Истории Эстериона: Лёд под кожей гор / А. Куверн — «Автор», 2026

Рассказ из мира Эстериона. Основная серия — «Эстерион: Нити Сомкнутой Завесы». Королевский картограф Эдмар Сорель прибывает в Дракониий хребет, чтобы обновить старые карты горных дорог. Работа кажется достаточно мирной — пока среди тёплого сезона в горах не начинают появляться участки невозможного холода. Люди пропадают, привычные тропы становятся опасными, а местная проводница Талви Дорнек всё настойчивее советует не доверять старым картам. Чтобы понять, что происходит в окрестностях Серого Седла, им придётся отправиться туда, куда местные давно стараются без необходимости не ходить.

© Куверн А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Лёд под кожей гор	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Алекс Куверн

Истории Эстериона: Лёд под кожей гор

Лёд под кожей гор

Чернила замёрзли на кончике пера в середине лета.

Эдмар Сорель заметил это только после того, как в третий раз провёл пером по бумаге и вместо тонкой синей линии получил едва различимую царапину. Он сидел на плоском каменном выступе у старой дороги через Серое Седло, придерживая планшет коленом, и последние четверть часа пытался точно нанести на карту изгиб тропы между двумя осыпями. День стоял ясный и даже для гор непривычно тёплый: жёлтые цветы росли в трещинах нагретых плит, над светлым камнем дрожал воздух, а оставленные чуть ниже лошади лениво отмахивались хвостами от мух. Снег виднелся только далеко наверху, где белыми полосами забивался в расселины Драконьего хребта. Поэтому, когда Эдмар поднёс перо к глазам и обнаружил на металлическом наконечнике тонкую корку инея, первым его чувством было не беспокойство, а почти профессиональное оскорбление. Он проверил чернильницу, провёл пальцем по бумаге, убедился, что та совершенно сухая, и только после этого позвал проводницу.

— Талви.

Гномка шла примерно в двадцати метрах впереди и сначала лишь подняла руку, давая понять, что услышала. За два дня совместного пути Эдмар успел заметить: Талви Дорнек относилась к большинству обращённых к ней слов как к сведениям, которые можно принять к рассмотрению, не прекращая заниматься чем-нибудь более полезным. Она была ниже него почти на голову, крепкая и широкоплечая, с двумя толстыми тёмно-рыжими косами, убранными под серую шерстяную шапку. За её спиной висел короткий горный лук, на поясе — молоток, нож, моток тонкой верёвки и такое количество небольших сумок, что Эдмар уже начал подозревать: половина нужна исключительно затем, чтобы городские люди не задавали вопросов о содержимом второй половины. По осыпям Талви двигалась почти не глядя под ноги. Камни, которые под сапогами Эдмара норовили либо провернуться, либо уехать вниз по склону, под ней почему-то сохраняли благоразумие.

— Если ты снова хочешь сказать, что на королевской карте дорога должна проходить левее, — отозвалась она, не оборачиваясь, — предлагаю сначала определить, кто именно будет объяснять это горе.

— Чернила замёрзли.

Талви остановилась сразу. Она вернулась к нему, взяла протянутое перо и провела большим пальцем по металлу. Иней начал таять почти мгновенно, однако выражение её лица успело измениться раньше.

— Здесь?

— Нет, я сбегал на ледник, чтобы потом тебя впечатлить.

Она подняла на него серые глаза и, судя по короткой складке возле губ, оценила ответ.

— Значит, голова пока работает. Хороший признак.

Талви присела возле края камня, на котором сидел Эдмар, и приложила ладонь к поверхности. Плита была тёплой от солнца, но вдоль её левого края проходила узкая неровная трещина. Гномка сняла перчатку и приблизила пальцы к щели, после чего почти сразу нахмурилась. Эдмар опустил рядом и тоже протянул руку. Из-под камня тянуло не привычной прохладой глубокой расщелины, а настоящим зимним холодом — сухим, резким, пахнущим железом и старой водой. Уже через несколько секунд пальцы начали ломить.

— И что это? — спросил он, отдёргивая руку.

Талви снова надела перчатку и поднялась.

— Пока не знаю.

— Мне тебя рекомендовали как лучшую проводницу между Тремя Сёдлами и Северным Зубом.

— Тебе соврали. Лучшая взяла бы вдвое дороже.

— Это, кстати, тоже говорили.

— Значит, рекомендовали правильные люди.

Она пошла дальше, но теперь двигалась медленнее и внимательнее осматривала камни по обе стороны тропы. Эдмар подождал, пока перо окончательно оттаёт, поставил на карте маленький крест и приписал рядом: «холодный выход, причина неизвестна». Ему нравилось, когда странность можно обозначить знаком, измерить и затем объяснить. В Лемарисе это качество считали одной из причин, почему он хорошо подходит для королевской картографической службы. В горах Талви уже успела назвать его привычкой успокаиваться при помощи линий.

Задание, ради которого Эдмар оказался на Сером Седле, в столице выглядело почти скучным. Старый путь через Драконий хребет связывал два гномьих хартийных города и в летние месяцы сокращал караванам почти четыре дня дороги. Однако королевские карты северного участка не обновлялись больше тридцати лет, а местные пользовались собственными горными схемами и не видели особого смысла переводить их на язык чиновников из Лемариса. Теперь управление дорог собиралось решить, можно ли укрепить перевал, поставить пару постоянных постов и официально включить Серое Седло в торговую сеть Эрдевана. Эдмар должен был описать состояние старого тракта, отметить источники, осыпи, мосты, возможные места для укреплений и всё то, что городской служащий позднее назовёт «местными препятствиями», не имея в виду необходимость самому подниматься к ним с планшетом.

Первые два дня путь казался вполне пригодным. Дорога была трудной, но даже старые подпорные стены в большинстве мест ещё держались; два источника, показанные Талви, не пересыхали даже в конце лета; опасные осыпи можно было обойти. Единственное, что беспокоило местных всерьёз, относилось не к дорожному строительству.

За последний месяц в районе Серого Седла пропали четыре человека. Молодой каменщик не вернулся после осмотра старого моста над боковым ущельем. Неделей позже исчез сборщик лечебного мха. Затем двое дорожных смотрителей отправились к заброшенным шахтам и тоже пропали. Возле нескольких мест обнаружили огромные следы, по краям которых даже днём сохранялся иней.

После этого объяснение появилось почти само собой: ледяной медведь.

Эдмар никогда прежде такого зверя не видел. Талви встречала дважды и всякий раз уточняла, что второго раза вполне могла бы не случиться без ущерба для её образования. По её словам, взрослый ледяной медведь значительно превосходил бурого размером, обладал густой бело-серой шерстью и природной магией холода. Когда зверь был разгорячён или напуган, влажная земля возле его лап покрывалась инеем, а дыхание могло превращать мелкий дождь в ледяную крупу. Обычно эти животные жили значительно выше, возле ледников и постоянных снегов, а летом почти никогда не спускались на высоту Серого Седла. Однако для большинства жителей четыре исчезновения и огромные морозные следы выглядели достаточным доказательством.

Талви считала иначе.

— Медведем не объяснить холод под дорогой, — сказала она через некоторое время, когда тропа начала огибать большой каменный выступ.

Эдмар догнал её и убрал перо в футляр.

— До сегодняшнего утра никто не знал про холод под дорогой.

— Именно поэтому до сегодняшнего утра я не говорила, что он что-нибудь объясняет.

— У тебя невероятно удобный способ никогда не ошибаться.

— Удобнее, чем сначала написать вывод, а потом искать под него гору.

Эдмар уже собирался защитить профессиональную честь королевской картографии, но вспомнил нескольких коллег и решил не брать на себя слишком много ответственности.

За следующим поворотом северная часть перевала раскрылась почти целиком. Далеко внизу лежала узкая зелёная долина, по которой между тёмными елями блестела река. Выше лес быстро редел: сначала исчезали ели, затем сосны, после них оставались только кустарник, мхи и огромные серые склоны, поднимавшиеся к зубчатым вершинам. На противоположной стороне ущелья в скале темнели несколько отверстий.

— Дорнские шахты? — спросил Эдмар.

Талви проследила за его взглядом и тут же добавила:

— К моей семье отношения не имеют. Дорн — старое слово для нижней горной породы. Таких названий здесь столько, что если начнёшь искать родственников по каждому, придётся задержаться до зимы.

— Я ничего не спросил.

— Собирался.

— Для человека без дара прорицания ты слишком уверенно отвечаешь заранее.

— Для королевского картографа ты слишком предсказуемо задаёшь вопросы.

Эдмар уже снимал с плеча планшет, чтобы нанести входы на карту, когда Талви подняла ладонь. Её движение было спокойным, но тон изменился настолько, что он сразу остановился.

— Не двигайся. Я пытаюсь понять, что именно вижу.

Она медленно подошла к краю площадки и опустилась на корточки возле небольшого участка влажного песка, сохранившегося после недавнего дождя. Эдмар приблизился лишь после её короткого кивка. Между валунами отпечатались пять огромных следов, каждый почти вдвое шире человеческой ладони, с глубокими отметинами длинных когтей. По краям песок был прихвачен тонкой белой коркой.

— Не хочу вмешиваться в работу специалиста, — сказал Эдмар, присев рядом, — но рискну предположить, что это не большая белка.

— Могу сказать, что белка, если тебе станет спокойнее.

— Предпочитаю бояться точных вещей.

Талви провела пальцами вдоль края отпечатка и некоторое время изучала осыпавшийся песок. Затем прошла чуть ниже по склону, туда, где цепочка следов пересекала старую дорогу.

— Взрослый ледяной медведь. Большой даже для своих.

— Значит, местные правы?

— Они правы в том, что по перевалу ходит ледяной медведь. Это пока всё.

Она указала чуть в сторону, и Эдмар увидел вторую цепочку следов, значительно менее впечатляющую: обычные человеческие сапоги. Кто-то поднялся снизу, пересёк площадку и направился к старым шахтам.

— Медведь шёл за человеком?

Талви снова присела, сравнила края двух отпечатков и покачала головой.

— Человек прошёл раньше, возможно часов на шесть или восемь. Зверь пересёк его путь позднее.

— Но мог идти по запаху.

— Мог.

Эдмар выдержал короткую паузу.

— И мог просто пройти поперёк.

— Именно.

— Когда-нибудь гора всё-таки позволит тебе сказать что-нибудь определённое?

Талви поднялась, отряхивая ладони.

— Как только сама решит определиться.

До верхнего дорожного поста оставалось слишком далеко, поэтому на ночь они остановились в старой хижине, построенной возле бывшей караванной стоянки примерно в километре от шахт. Эдмар довольно быстро выяснил, что сооружение проектировали гномы: первый раз он ударился головой о поперечную балку возле входа, второй — возле печи, а после третьего начал подозревать, что хотя бы одна из балок расположена там исключительно из культурных соображений.

— Хорошая архитектура учитывает рост разных народов, — заявил он, растирая макушку.

Талви как раз проверяла ставни и даже не посмотрела в его сторону.

— Хорошая архитектура учитывает тех, кому принадлежит дом.

— Он стоит возле королевского тракта.

— Теперь я понимаю, почему тракт разваливается.

— Ты наслаждаешься этим больше, чем следовало бы.

— Я второй день наблюдаю, как ты исправляешь наши горы на бумаге. Мне нужна компенсация.

После заката стало ощутимо холоднее, хотя до настоящей ночи оставалось ещё время. Они отвели лошадей в низкий каменный загон, заперли внешнюю калитку, растопили старую железную печь и устроили ужин из каши с сушёным мясом. В этот момент Талви окончательно выяснила состав запасов картографа и долго не могла смириться с тем, что человек, отправленный на несколько дней в горы, взял с собой три вида сыра, отличный чай, две запасные чернильницы, набор измерительных нитей и ни одной приличной сковороды.

— Сыр не требует сковороды, — напомнил Эдмар.

— Именно это спасло тебя от голода.

После ужина он разложил карты на широком столе. Южная часть Серого Седла уже была прорисована подробно: высоты, старые стены, опасные участки, источники и два подходящих места для постов. Севернее сегодняшней стоянки оставалось заметно больше пустого пространства. Талви достала из собственного футляра старую шахтную схему, настолько потёртую, что края приходилось придерживать кружками.

— Дорнские разработки закрыли около сорока лет назад, — объяснила она, поворачивая лист к Эдмару. — Сначала руда стала хуже, потом воды прибавилось, а в нижнем штреке произошёл обвал. Погибли двое. Мой дед хорошо помнит тот день — он тогда работал на другом участке шахты.

Эдмар провёл пальцем по выцветшим линиям.

— Здесь пять входов.

— Сейчас открыты три. Один завалило ещё до закрытия, а восточный замуровали после аварии.

— Почему именно замуровали?

Талви задержала палец на старой отметке.

— После обвала мастера осмотрели нижний штрек и решили, что его проще полностью отсечь от остальных выработок, чем укреплять. В старых записях причина указана расплывчато: нестабильная порода, вода и «непригодные условия для дальнейших работ».

— Очень содержательно.

— Шахтёры умеют писать отчёты не хуже королевских картографов.

Эдмар посмотрел на неё.

— Это сейчас было оскорбление?

— Пока только профессиональное наблюдение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.